

русский
пионер

16+

МИСМКА

№5(105) ноябрь 2021

ISSN 2071-3037
21005
9 772071 303007

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 6

первая четверть

Урок уроков. Сновиденный. Игорь Миркурбанов про мальчика из сна *стр. 12*

Открытый урок. И было много боли. Константин Богомолов про то, что не рюмка — мистика, а мистика — это рюмка *стр. 14*

Урок музыки. Она была актрисой. Андрей Макаревич о том, как его околдовали на земле вуду *стр. 16*

Урок литературы. Русские зеркала. Дмитрий Быков про мистический поединок двух ипостасей *стр. 18*

Урок истории. Где все находится. Павел Астахов про воина Иоанна *стр. 24*

Урок правды. Римские каникулы. Иосиф Райхельгауз о том, что он принял за мистику *стр. 30*

Урок труда. Пес Гварнери и кот Страдивари. Максим Венгеров о разнице скрипок *стр. 34*

Урок кино. Куда время делось. Сергей Шакуров о том, как он стал главным упирем *стр. 38*

Урок пения. Контракт с ведьмой. Ольга Бузова про то, как формулировать желания *стр. 42*

Урок биологии. Это они его дрессируют. Юрий Куклачев о котеночке, который послал ему весть *стр. 44*

Урок психологии. Чудовищный Хронос. Максим Кучеренко про магический нарциссизм *стр. 48*

Прогул уроков. Круги на Эве и в небе. Вита Буйвид о сверхъестественной фотосъемке *стр. 50*

вторая четверть

Пионер-герой. Девушка с косой. Корреспондент «РП» встречается с очевидцем пожара Москвы 1812 года *стр. 56*

Следопыт. Порцелиновая справедливость. Обозреватель «РП» спасает изобретателя русского фарфора *стр. 64*

третья четверть

Диктант. Размистились. В тему номера *стр. 74*

Дневник наблюдений. Школа Берендея. Шеф-редактор «РП» в мистическом краю *стр. 76*

Дневник наблюдений. В Америке с любовью. **Иван Соколовский** учится в США *стр. 86*

Сочинение. Арангас. Рассказ **Майка Гелприна** *стр. 94*

четвертая четверть

Урок мужества. Магия бессмертна. Обозреватель «РП» в помощниках у экстрасенса *стр. 108*

Фотоувеличитель. Объективная мистика. Фотограф **Наталья Львова** *стр. 114*

пятая четверть

Пробел. Новая литература. Авторы: **Николай Ветличкин, Евгения Риц, Любовь Баркова, Артем Пудов, Ася Энгеле, Ирена Арманда, Константин Кондитеров, Игорь Терехов, Янина Вишневская, Nicks Red, Ирина Краснопёр** *стр. 126*

группа продленного дня

Правофланговый. Медовый месяц. **Виктор Ерофеев** о том, кто убил полковника Диаманта *стр. 148*

Правофланговая. Бабадай. **Ольга Ускова** про ту самую дверь *стр. 150*

Пионервожатая. И сказал: иди! **Дарья Белоусова** про индуса на Патриарших *стр. 154*

Знаменосец. Post scriptum. Достоевский. **Владимир Легойда** про решение карамазовских проблем *стр. 158*

Центровой. Шаманы против Англии. **Александр Горбунов** о чудесах в казанской раздевалке *стр. 162*

Пионервожатый. Восхищен до третьего неба. **Кирсан Илюмжинов** про разум и Вангу *стр. 164*

Отличник. Сонм надстоящих ангелов. **Александр Можяев** про Москву мистическую и промышленную *стр. 166*

Звеньевой. Бульварное чтиво. **Игорь Хуциев** про конец всем печалям *стр. 168*

Запевала. Мистика хрустальной мечты. **Сергей Петров** про хорошие известия *стр. 176*

Отличница. Митя, Надя и автоматические мысли. **Лена Фейгин** про переформатирование гениев *стр. 178*

Барабаничик. Шаман мистичковий. **Николай Ооржак** о том, как дышать и не стареть *стр. 180*

Горнист. Страшная бутылка. **Вита Буйвид** о претворении вина в вино *стр. 184*

Всегда готово. Нас вызывает ламаджо. Обозреватель «РП» готовит армянские блюда *стр. 186*

Внеклассное чтение. Вистерия. Новая проза **Маргариты Симоньян** *стр. 192*

Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 207*

Всегда готов!

Первая четверть.

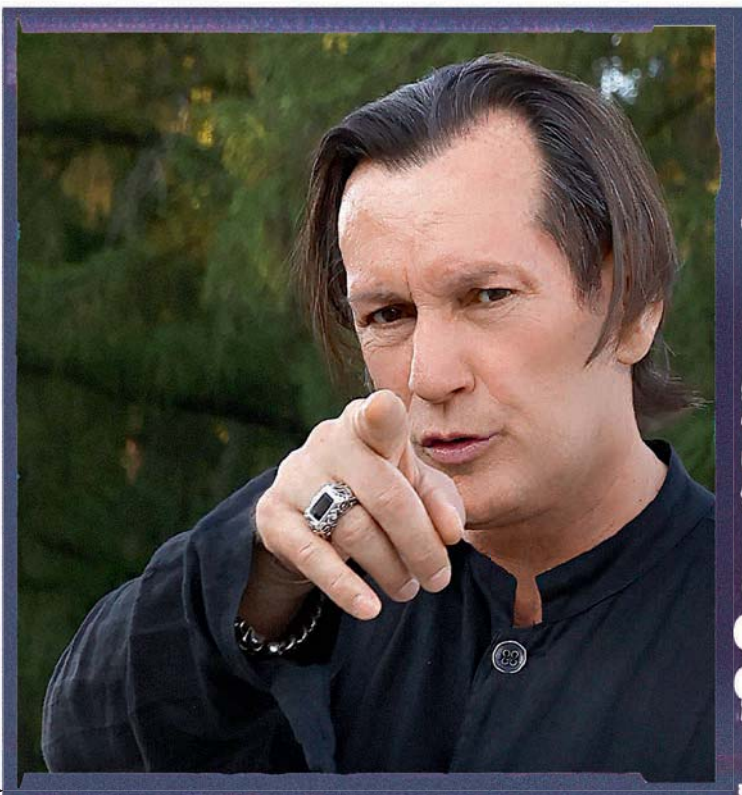
Урок уроков. Сновиденный. **Игорь Миркурбанов** про мальчика из сна. *Открытый урок.* И было много боли. **Константин Богомолов** про то, что не рюмка — мистика, а мистика — это рюмка.

Урок музыки. Она была актрисой. **Андрей Макаревич** о том, как его околдовали на земле вуду. *Урок литературы.* Русские зеркала. **Дмитрий Быков** про мистический поединок двух ипостасей.

Урок истории. Где все находится. **Павел Астахов** про воина Иоанна. *Урок правды.* Римские каникулы. **Иосиф Райхельгауз** о том, что он принял за мистику. *Урок труда.* Пес Гварнери и кот Страдивари. **Максим Венгеров** о разнице скрипок. *Урок кино.* Куда время делось. **Сергей Шакуров** о том, как он стал главным упырем. *Урок пения.* Контракт с ведьмой. **Ольга Бузова** про то, как формулировать желания. *Урок биологии.* Это они его дрессируют. **Юрий Куклачев** о котеночке, который послал ему весть.

Урок психологии. Чудовищный Хронос. **Максим Кучеренко** про магический нарциссизм. *Прогул уроков.* Круги на Эве и в небе. **Вита Буйвид** о сверхъестественной фотосъемке.

Сновиденный

текст: игорь миркурбанов рисунок: ольга аверина

Актер **Игорь Миркурбанов**, дебютируя в нашем журнале, проник в самую его суть. Суть — в искренности, которая искупает все. Тут и искупать, конечно, нечего, на первый взгляд. Но стоит заглянуть в себя, и выяснится, что есть чего — всегда и любому человеку. И тебя накроет чувство вины, которым обладает всякий приличный человек. И что-то ты обязательно увидишь перед собой. Кто-то — бездну, кто-то — хромого мальчика.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ИЗРАИЛЕ. Много лет назад. Меня только что выгнали из Гешера, я запил и пил неделю или две. Мне приснился сон. Ночь. Темная комната. В ней я и маленький ребенок. Мальчик. Ему четыре года. Он стоит у стены в темной комнате и смотрит на меня. Как-то виновато и мучительно. Как будто просит меня о чем-то и просит у меня прощения за это.

И это было неправильно. Нелепо и страшно. Потому что я очень ясно и больно понимал, что виноват я, а не он.

Это длилось какое-то время. Он молчал, не решаясь приблизиться. Иногда всхлипывал и прятал глаза.

Я смотрел на него. Ребенок. Мальчик. Незнакомый мне. Он уже почти плакал, но все еще скрывал слезы, боясь меня рассердить. И вдруг он чуть отделился от стены, и я увидел, что у него одна ножка короче другой.

Он понял, что я это увидел. А я увидел, что он это понял. Пронзительно и ясно мы оба знали, что именно за это он у меня просит прощения, именно этого так стесняется и боится обнаружить свою хромоту, потому что думает, что это может заставить меня не любить его.

Было пять утра. Я вышел на балкон. Закурил.

И заплакал. Я ревел беззвучно и долго, зажав рот кулаком. Мне было очень стыдно.

Я чувствовал жалость, тоску и стыд, как можно чувствовать вкус теплой, сладкой крови во рту, когда выдергивают зуб. Было восьмое ноября. Обычно я не запоминаю даты. Но эту запомнил.

Много лет спустя, уже в Москве, родился мальчик. Федюша. Мой сын. У него такое же лицо и глаза, как и у того. Такой же. Только не хромает, но становится на носочки чаще, чем другие дети.

Я его очень люблю.

Скоро ему будет четыре.

Восьмого ноября. *ИИ*

И было много боли

текст: константин богомолов рисунок: антон смех

Актер и режиссер **Константин Богомолов** на самом деле, конечно, поэт. Иначе всего этого бы не было. И этой колонки тоже, между прочим.

ВЫ ВИДЕЛИ схему человеческих нервов?

Нервы, спутавшие тело человека.
Как щупальца неведомого чего-то.
Мы запутываемся в своих нервах, как в водорослях утопший.
Мы запутываемся в своих болях.
Но это и есть жизнь.
Она дана нам через нервы.
Она дана нам через боль.
Искать боли.
И не объяснять боль.
Понять, что смысл боли — в ней самой.
Как смысл смерти Христа — в самой смерти.
Не в мистике. Не в «до» и не в «после».
Не в В.С. и не в А.С.
А в самом длении.
В том, что смерть была мучительной и долгой.
И было много боли.
И в этой в высшем смысле бессмысленной боли умирания и была жизнь.
При чем тут мистика?
При том, что она — грех.
При том, что грех — обезболивает.
И в этом суть.
Обезболивающее — грех.
И грех — обезболивать.
Я верю во все, что обезболивает.
Я верю в цинизм и верю в слезы.
В идеи, в бога, в заряженную воду, в судьбу.
Верю во все, что объясняет.
Объясняя — лжет. Потому что любое объяснение — ложь.
Но если не объяснять — то как?
Это же все равно что с непостижимостью встать лицом к лицу.
Тебя поглощает и разрывает абсолютное ничто.
Но в этом ничто — огромная боль.
И если полюбить ее — жизнь расцветает, как бутон.
Расцветает, чтобы закончиться.
Но этот момент цветения — это момент наивысшей боли.
Это цветет Жизнь. Она цветет перед концом.
И только это — мистика.

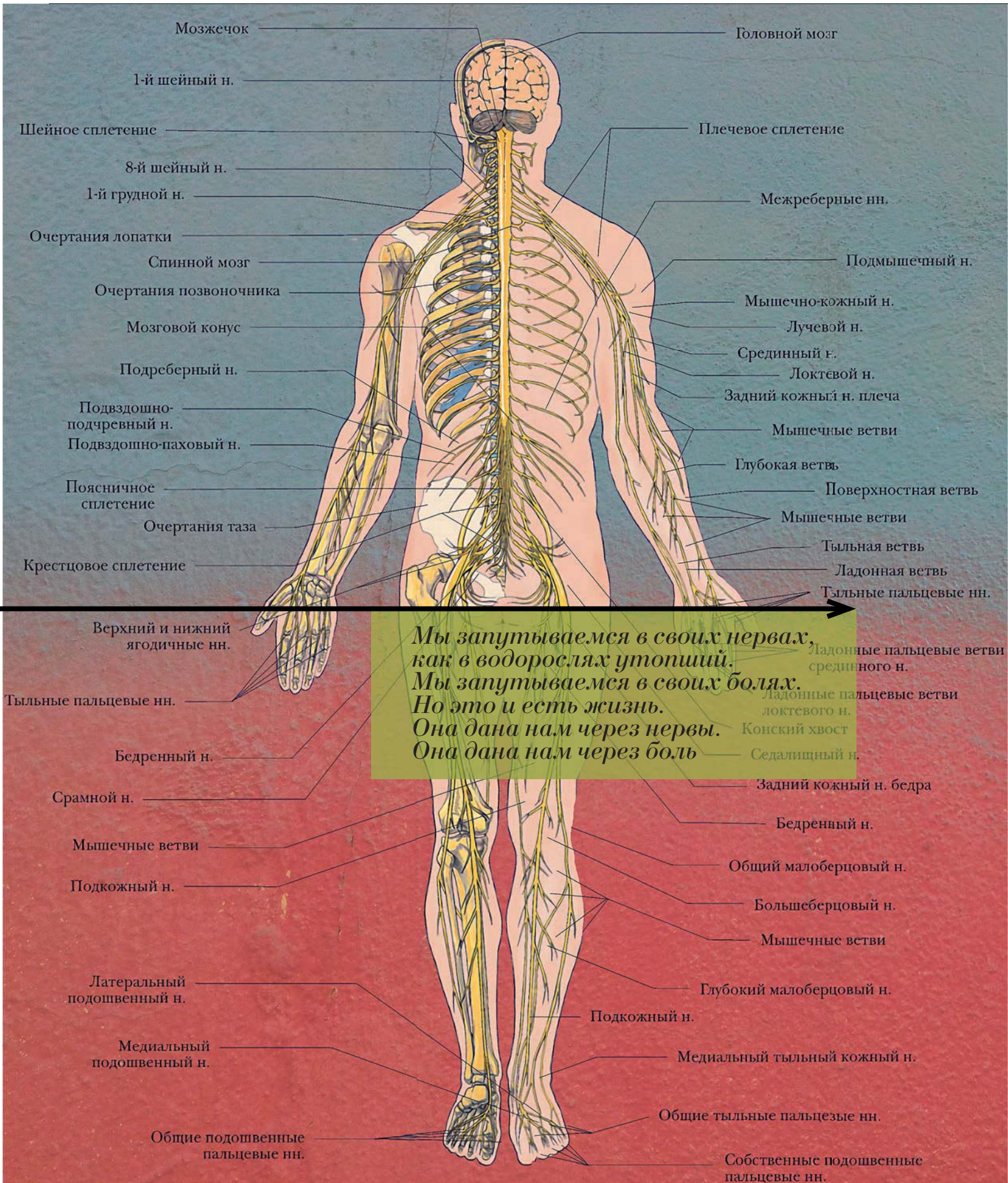
P.S. Болит что-то — выпьешь рюмку — не болит.

Мистика тоже по-своему.

Не рюмка — мистика, а мистика — это рюмка.

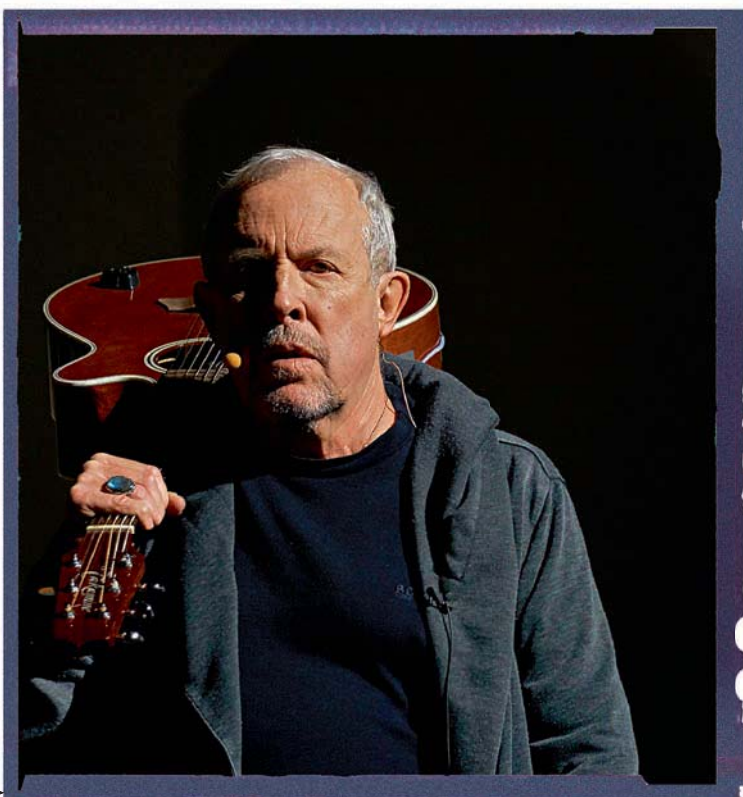
Главное — залпом. Иначе не работает. С мистикой. С рюмкой тоже. **PIU**

Мы запутываемся в своих нервах,
 как в водорослях утопший.
 Мы запутываемся в своих болях.
 Но это и есть жизнь.
 Она дана нам через нервы.
 Она дана нам через боль

Она была актрисой

текст: андрей макаревич рисунок: наташа монастырская

Актер и музыкант **Андрей Макаревич** делится с нами мистической историей, случившейся с ним так далеко отсюда, что верится во все, что бы он ни рассказал. Правда, выясняется, что это и не мистика, быть может. А быть может, мистика.

ВООБЩЕ-ТО мы совершенно неверно понимаем слово «мистика».

Ибо на самом деле мистика — огромный пласт философских учений, со своими течениями и адептами. Умнейшие люди планеты в разные века посвящали свои жизни изучению мистики. Для нас же это шаманство, колдовство, любовный приворот и прочая битва экстрасенсов. Вот и я, как ни стыдно, из этой обширной группы. Ну не дорос до толкования каббалы. Так что все-таки — про чудеса.

К чудесам тянуло с детства. На рубеже 60-х–70-х в большую моду вошли всякого рода экстрасенсы и двигатели предметов на расстоянии. Большинство из них оказывались жуликами, но это никого не смущало и интереса к предмету не убавляло. На эстраде выступали гипнотизеры (до Кашпировского было еще лет пятнадцать). Книжку «Таинственные явления человеческой психики» я зачитал до дыр. Используя ее как пособие, ставил многочисленные опыты по передаче мысли в пространстве. В качестве подопытных брались одноклассники. Не буду сейчас описывать наши эксперименты, могу только сказать, что результаты сильно превышали процент допустимых случайных совпадений. Возможно, нам слишком хотелось добиться желаемого. Впрочем, сегодня уже кое-что из этой области научно подтверждено, и запах мистики оттуда улетучился. А в конце 80-х «Машина времени» поехала на гастроли в Мозамбик. Боже, что это было за время! Не знаю, какой причудливый изгиб мысли заставил «Госконцерт» забросить нас в самое сердце Африки, — мы не возражали. Еще пару лет назад пределом наших мечтаний был Владивосток. А тут Африка! Земля вуду!

Мозамбик и правда оказался землей вуду. Я был поражен, узнав, что полицейский имеет право арестовать человека, несущего лошадиную ногу, так как она применяется для поднятия из могилы своего родственника, а поднимают их исключительно для того, чтобы попросить отомстить своему недругу, то есть со злым умыслом. Просто приходишь на могилу и зовешь своего усопшего дядю, похлопывая лошадиной ногой по собственным бокам — без этого никак. Класс!

Скоро мы познакомимся с Сашей и Олей — очаровательной молодой парой, они работали корреспондентами в ТАСС. Были у них две маленькие дочки и слуга Мануэль — он важно ходил по дому босиком, но в белых перчатках. Настоящая «Хижина дяди Тома!» Мануэль оказался мужем местной колдуньи, причем высокого ранга. Ух ты! Несколько дней я уговаривал Мануэля упросить жену разрешить нам побывать на настоящем обряде — вообще-то белых туда не пускали. И — уговорил. Разрешение было дано.

Мы довольно долго ехали в деревню, где жила колдунья. Обряд, как я понял, проходил раз в неделю — местные жители шли туда со своими болячками и жизненными вопросами. Я почему-то ожидал, что для обряда необходима ночь — для ужаса: оказалось, ничего подобного, время приближалось к полудню. Деревня состояла из пары десятков круглых хижин, мазанных белоснежной глиной и крытых соломой. В центре располагалось небольшое открытое пространство — для собраний. Нас усадили в тень и даже принесли бутылку «Мартини». Колдунья оказалась толстой черной теткой, очень похожей на Эллу Фитцджеральд. Население постепенно собиралось на площади, люди беседовали, смеялись,

дети шныряли туда-сюда, рядом шла стирка — мистикой не пахло. На нас никто не обращал внимания. Обряд в этот день состоял из двух частей: сперва посвящение в колдуньи молодой девахи, лет восемнадцати, потом — прием населения. В какой-то момент все угомонилось, разговоры затихли, зазвучали барабаны. На них играли, как ни странно, совсем маленькие дети — серьезно, с осознанием миссии. Молодуха присела на коврик (рядом опустилась свита еще из двух девушек), начала мелко трястись в такт ритму, глаза ее закатились. Оля шепотом переводила мне комментарии Мануэля: сейчас ей предстоял экзамен — ей надо будет, пребывая в состоянии транса, найти спрятанное в одной из хижин ожерелье. Не найдет — придется пересдавать. Но сперва старшая колдунья приблизилась к кандидатке на должность и ржавым обломком лезвия сделала ей маленькие надрезы на запястьях, внутренних сгибах локтей и — о ужас! — на языке. После чего быстро втерла в надрезы какую-то черную дрянь из баночки. Затем девушка вскочила (было в ней килограммов сорок и из одежды — набедренная повязка) и легко побежала с закрытыми глазами, не выпадая из ритма. Свита бросилась следом. Так, пританцовывающей шеренгой, они забежали в одну хижину, в другую, и из третьей будущая ведьма гордо вышла с газетным свертком в руках. Это и было ожерелье. Его торжественно надели ей на шею, и посвящение закончилось.

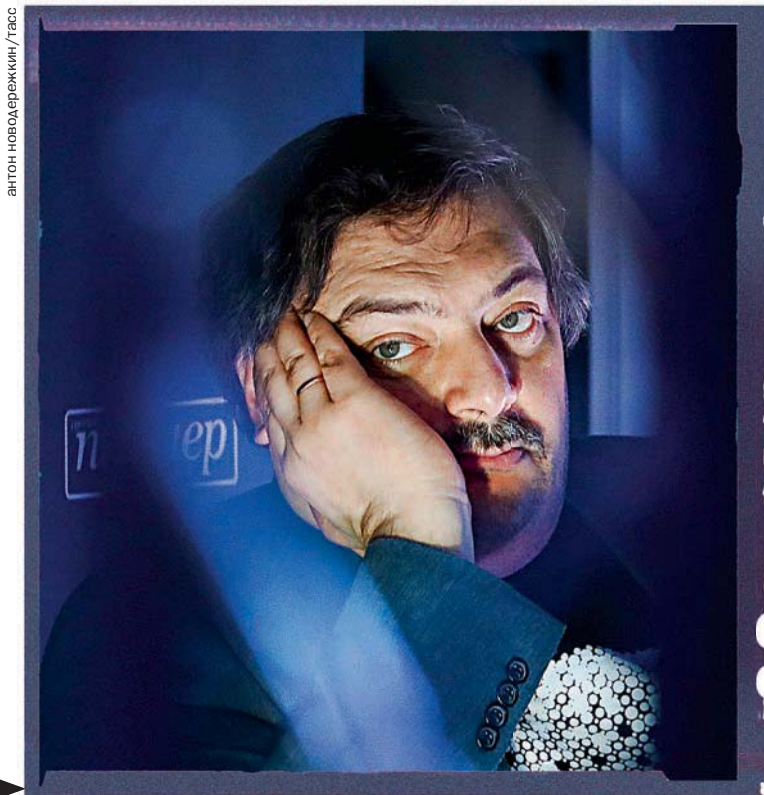
Второе действие выглядело так: на площади чуть особнячком стояла совсем маленькая хижина, в которой жили духи — там хранились вещи

умерших родственников старшей колдуньи. Она зашла туда ненадолго и — вышла другим человеком. Изменились походка, движения, голос. На голове у нее был платок мамы. Первым делом она поздоровалась за руку со всеми собравшимися (новый человек пришел!). Поздоровалась она и со мной — рука ее была ледяная, зрачки расширены, взгляд неподвижен: она находилась в глубоком самогипнозе. Вопросы жителей носили бытовой характер: вот, нога болит, что делать (иди в больницу, я такое не вылечу) или вот, жена ушла, как быть (найди ее и поговори мирно) и все такое прочее. Через некоторое время колдунья попрощалась со всеми и опять удалилась в хижину. Она вышла через пять минут с тростью деда, и опять это был совсем другой человек — она стала выше, стройней, говорила мужским голосом и прихрамывала. Но самое интересное, она говорила по-испански (Мануэль уверял, что в обычной жизни она испанского не знает). Процесс знакомства за руку повторился, и зазвучали новые вопросы. За этот день колдунья перевоплощалась трижды, и я видел, что она очень устала.

Больше всего поразило, пожалуй, то, что никто из местных чудом не изумлялся, для них все происходящее было обычным явлением быта — как сходить на рынок. Потусторонний мир располагался к ним гораздо ближе, чем к нам. Я позавидовал — интересно же!

Когда Саша и Оля покидали Африку, Мануэль, проработавший у них несколько лет и нежно любивший хозяев и их детей, тем не менее спер с кухни всю посуду. Мистика, нет? **PI**

антон новодережкин / гасс

Русские зеркала

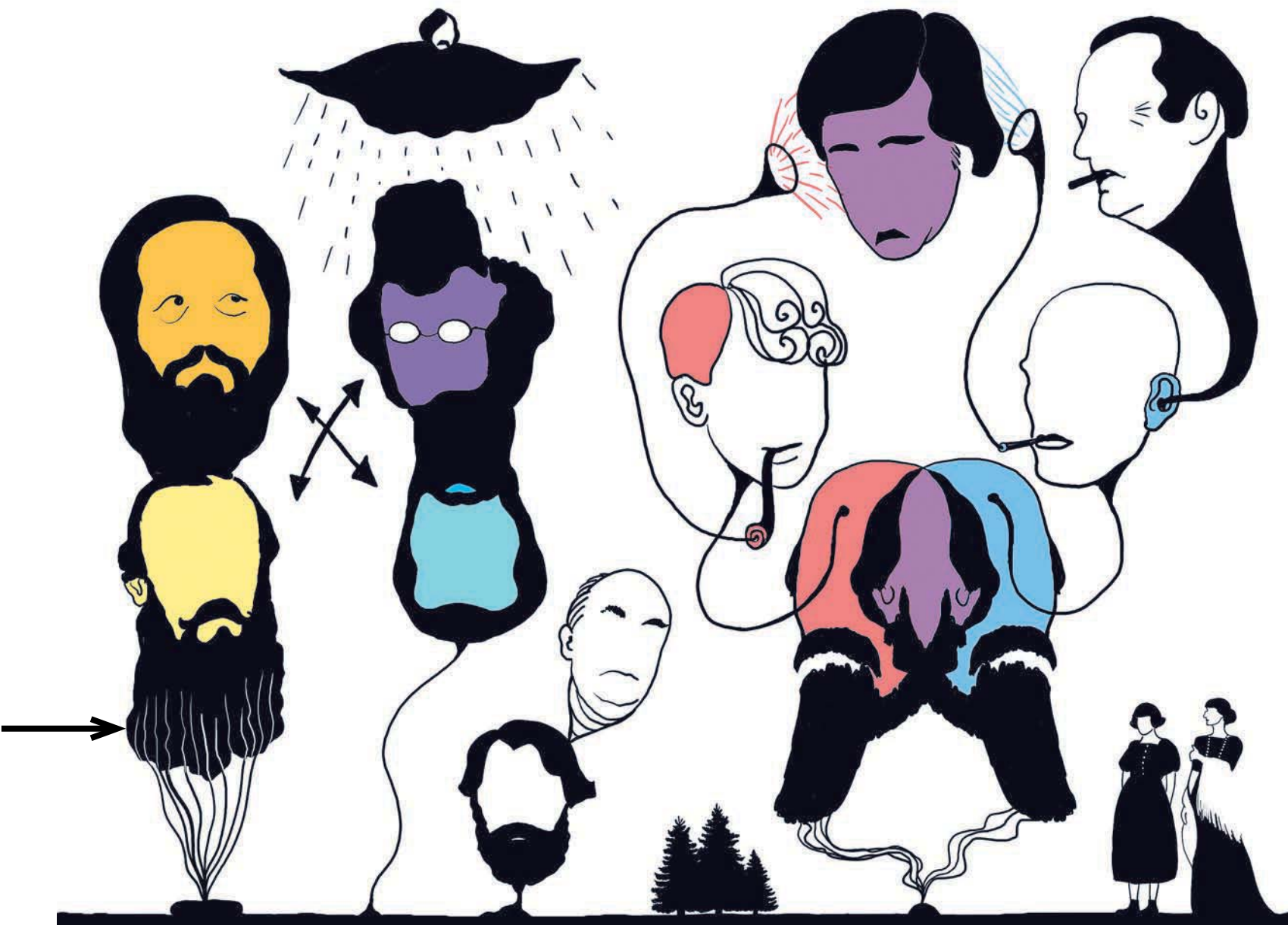
текст: дмитрий быков рисунок: маша сумнина

Писатель Дмитрий Быков в своей колонке анализирует с точки зрения мистицизма считай что всю русскую прозу — не говоря уж про советскую. Вы скажете, что такое невозможно. А вот если вообразить, что ты не колонку пишешь, а лекцию читаешь, а при этом колонку пишешь, — легко. По крайней мере, внешне выглядит даже как просто нечего делать.

ТЕМА — мистика русской литературы, но есть люди, которые обособленно терпеть не могут этого слова. Их можно понять, поскольку мистикой чего только не прикрывают. Везде, где хотят снять ответственность с человека, говорят: мистика. Везде, где не хватает ума объяснить закономерность, выявить связи, вообще подумать три минуты, — она, выручалочка. Что имеется в виду в нашем случае? Как раз явление вполне объяснимое, но на неподготовленного слушателя оно действует огушительно. Возьмем простейший пример: писатель с техническим образованием, открытый крупным поэтом-народолобом, редактором главного прогрессивного журнала эпохи. Первая же публикация делает его знаменитым. Отсидел, написал о заключении всемирно известный документальный роман. Ссылку отбывал на территории нынешнего Казахстана. Был близок к демократическому лагерю, с годами жестоко с ним рассорился, став непримиримым критиком либерализма. Болезненно интересовался еврейским вопросом, написал о нем подробную работу. Первый брак сложный, второй — идеальный, жена младше ровно на двадцать лет, помощница и секретарь. Автор многих обширных идеологических романов и повестей, ключевая сцена — полемика Ивана с Алешей. Во второй половине жизни был близок к русским националистам и консерваторам, носил бороду, отличался болезненным самолюбием на грани мании величия, за что был регулярно высмеиваем коллегами, в особенности ведущим сатириком-современником. Чрезвычайно популярен на Западе. О ком я говорю?

Половина считает — Достоевский, другая — Солженицын, да это сопоставление и не ново — очень уж разительны сходства. Скажем, на счет Ивана и Алеши заметил Лакшин еще в 1964 году (диалог Ивана Денисовича с сектантом Алешкой — истинный нерв «Одного дня»). И мало ли в русской истории раскаявшихся либералов (как, впрочем, и консерваторов)! Просто здесь очень уж наглядно все сошлось, и это не просто развлечение филолога, это еще помогает правильно воспринимать прозу наших авторов. Ну скажите, кто всерьез вменил бы Достоевскому взгляды Шатова, Кириллова или Ивана Федоровича? А Солженицына с его персонажами отождествляют сплошь и рядом, хотя он многократно от них дистанцировался. Надо разделять. Я уж молчу о том, что ненависть Солженицына к Синявскому тоже не совсем произвольна — они как бы доигрывают старую драму, потому что ведь и Синявский — реинкарнация Чернышевского, которого Достоевский не просто ненавидел, а боялся, видя в нем нечто совершенно иноприродное.

Само слово «реинкарнация» тут никак не указывает на мистику, и вообще все даже слишком рационально. Русская история циклична, она повторяется дословно, проходит одни и те же стадии (сегодня, кажется, это уже всем очевидно), и немудрено, что возникают в ней одни и те же типологические фигуры. В эпохи заморозков это единственный крупный литератор, осуществляющий связь между властью и культурой, транслирующий запросы туда-обратно и неизбежно гибнущий, если не хватает ума вовремя соскочить: архетип Пушкина, ниша, из которой успешно убежал Пастернак. В эпохи оттепелей это целый куст талантов, расцветающий в условиях относительного компромисса между народом и государством. На излете оттепели обязательно есть человек, который «заигрался чересчур далеко» (формула самого Синявского), то есть не захотел адаптироваться к условиям нового заморозка; этого человека, ведущего критика либерального журнала, обладателя жены — красавицы и умницы, — показательно сажают, чтоб другим неповадно было. Любопытно, что тот и другой носят очки, вызывают совершенно неприличную ненависть оппонентов и много занимаются проблемами эстетики; один пишет «Очерки гоголевского периода русской литературы», другой — толстый том

«В тени Гоголя», и оба сочиняют романы необычной формы, с вкраплениями многих других жанров, в первую очередь драматургического (ср. «Спокойной ночи» и «Повести в повести»). Разумеется, есть люди, которым при всем желании не найти аналога, ибо такая ниша в предыдущем круге русской истории просто не предусмотрена. Нет параллелей к Цветаевой, Ахматовой, трудно различить в XIX веке прообраз Саши Черного (хотя в наше время есть во всем на него похожий Игорь Иртеньев), непросто обстоит дело с драматургией, поскольку ее расцвет в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого века не имеет аналога в позапрошлом, где всех оттеснила мощная фигура Островского, а остальные писали пьесы-однодневки (специалисты наверняка возразят, такова их участь — возражать любым обобщениям). Сходства между Грибоедовым и Эрдманом очевидны, но различия не менее убедительны (что делать, сочетание дипломатической карьеры с литературной и музыкальной в советской России маловероятно, умным и желчным драматургам приходилось идти в сценаристы, а жажду риска утолять на ипподроме и в сочинении подпольных басен). Время накладывает отпечаток, но главные драмы русской истории неизменны — а потому неотличимы их фигу-

ранты. Написано: входит тиран, — значит, входит тиран. Написано: входит гений, — из-за кулис выталкивают гения.

Наиболее занятен тут, пожалуй, кейс Некрасова — потому что он был главным в России певцом биполярного расстройствa, и диалог Поэта с Гражданином, конечно, диалог внутренний; наивно было бы думать, что поэт Некрасов позволил бы какому-нибудь Гражданину разговаривать с собой в подобном тоне, да и предлогов упрекать его у Гражданина явно недостаточно: кто-кто, а редактор «Современника» вносит некоторый вклад в борьбу за дело народное. Мы отлично знаем о припадках меланхолии у Некрасова, когда он по три дня лежит безмолвно, отвернувшись к диванной спинке, — но знаем и о припадках бешеной активности, и о способности читать и править в месяц до 400 листов корректуры! Поэт и Гражданин — два лика его биполярного расстройствa, для которого в XIX веке не было ни названия, ни лечения. Рискну сказать, что Россия с ее чередованием оттепелей и заморозков вообще больна биполяркой, и если сегодня ее население парализовано страхом и выученной беспомощностью, то в девятнадцатые, например, оно было гиперактивно; осталось найти какой-нибудь политический аналог терапии (не только медикаментозной, а и социальной), которая сегодня применяется при так называемом аффективном расстройстве, сокращенно БАП. Не зря Блок о Некрасове писал: «Он был страстный человек и БАРИН», капслок мой.

Эта некрасовская биполярка диктовалась, надо полагать, тяжелыми внутренними противоречиями между патриотизмом и гражданственностью. В XIX веке еще можно было страстно любить Родину и все про нее понимать, — но в двадцатом ноги у человека, стоящего на этих двух берегах, разъезжаются все дальше. Некрасов был последним, у кого «и отвращение от жизни, и к ней безумная любовь, и страсть, и ненависть к Отчизне» (Блок в самой некрасовской из своих поэм) не просто гармонически уживались, но давали выдающийся художественный результат; уже у Блока образ России-матери и России-жены начал двоиться, входя в острый конфликт, отравивший и его семейную жизнь. (Об этом пронципально написал Кушнер: «Отдельно взятая, страна едва жива. Жене и матери в одной квартире плохо. Блок умер, выжили ужасные слова — свекровь, свояченица, кровь, сноха, эпоха».) Некрасов был последним, кто этот конфликт сдерживал внутри — пусть ценой регулярных депрессий и бесконечного самоистязания, как в «Рыцаре на час». Дальше гражданственное и патриотическое перестали совмещаться — и в следующей инкарнации Некрасов парадоксальным образом раздвоился на двух главных поэтов двадцатых годов.

Он поделился ровно пополам: сельская тема, женитьба на иностранке (Некрасов вторым гражданским браком был женат на француженке Селине Лафран, едва знавшей по-русски), страсть к вину («Не водись-ка на свете вина, тошен был бы мне свет»), тема любви-ненависти, иногда откровенная мизогиния — достались Есенину. Урбанистическая лирика, картежный талант, вообще игромания, *ménage à trois*, не мешавшей дружбе с мужем, и почти рабская зависимость от умной, не слишком добродетельной и знойно-красивой жены, хозяйки известного салона, — ушли к Маяковскому. Любопытно, что душа в своих скитаниях между воплощениями как бы набралась решимо-

сти — и оба покончили с собой, осуществив многократно высказанное намерение Некрасова. Взаимоотношения их были, что вообще характерно для двойников, такими же биполярными: то страстное взаимное тяготение, как бы жажда дополниться, — то такое же отталкивание со всякими эпатажными штучками вроде есенинского «Эй, сыпь, эй, жарь, Маяковский бездарь!» — и ответного «Коровоу в перчатках лаечных... балалаечник...». Любопытно, что Маяковский, в своих поэтических некрологах не особенно щепетильный и проводивший Блока и Хлебникова без особенного надрыва, памяти Есенина посвятил не только замечательные стихи, но и целую статью, замаскированную под учебник поэтического мастерства. Ясно же, что «Как делать стихи» — не отчет о собственном поэтическом опыте, а посмертное выяснение отношений с Есениным, притом весьма теплое, непривычно интимное. Есть мемуар — не вспомню точно чей: на одном из поэтических вечеров в Политехническом 1923 года Есенин подходит к мемуаристу и с горечью говорит: вот, скоро помру под забором, а на заборе будет вот их афиша! — кивок в сторону Маяка и ЛЕФовцев. В следующем перерыве подходит Маяк и говорит: вот, буду умирать под забором, а на заборе будет афиша романсового концерта на стихи Есенина! Оба мучительно комплексовали друг перед другом, временами друг другу подражали, но так за всю жизнь и не поговорили по-человечески — так, как мечталось наивной Цветаевой в стихотворении «Советским вельможей...» (признаться, так себе стихотворение).

Маяковский написал своего «Поэта и гражданина», только гражданин у него превратился в фининспектора — советское воплощение большой совести. Тема таинственного двойника, приходящего тревожить сны автора, наиболее полно воплотилась у Есенина в «Черном человеке», написанном в 1923 году, но оконченном и прочитанном в дружеском кругу только два года спустя (когда талант его был уже далеко не тот). В «Черном человеке» к лирическому герою приходит не столько искуситель, сколько страшный вариант судьбы, которого он для себя не желал, которого опасался, — и говорит с ним, кстати, языком Маяковского!

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой миру?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Сравним:

Прости меня, Лиленька, миленькая,
За бедность словесного мирика.
Книга должна называться «Лиленька»,
А называется «Лирика».

Если Есенин и не знал этого инскрипта, то гениально его угадал. А обвинительные интонации, с которыми Черный человек рассказывает «о жизни скандального поэта», слышны и в статье «Как делать стихи», где Маяковский после гибели Есенина неодобрительно рассказывает

о его пьяных скандалах. Вообще, «Черный человек» — поэма о сознании роковой раздвоенности, о невозможности дополниться до целого; любопытно, что «Нате» и «Исповедь хулигана» крайне близко интонационно и даже ритмически. И зависимость от Некрасова, предыдущей инкарнации, оба автора ощущали болезненно: нельзя не увидеть у Есенина некрасовских реминисценций — ср. хотя бы «Снова пьют здесь, смеются и плачут» и «В столице шум, гремят витии». Нельзя не заметить и у Маяковского прямых заимствований некрасовских приемов. Когда Осип Брик процитировал ему «Современников», Маяковский поразился: «Неужели это не я написал?!»

Но самое интересное, что этот мистический поединок двух ипостасей одного поэта не закончился в двадцатые. Ножи продолжают доигрывать свою драму, как в рассказе Борхеса «Встреча». В семидесятые — которые сейчас, кажется, только ленивый не признает советским вариантом серебряного века, болезненным расцветом искусств при нарастающем маразме власти, — это раздвоение снова воплотилось с поразительной буквальностью: Высоцкий не просто так сыграл Хлопушу (а Мейерхольд семидесятых, Юрий Петрович, не просто так его поставил). Что до поразительных сходств риторической поэзии Бродского с текстами Маяковского, об этом подробнее и откровеннее других написал Юрий Карабчиевский. В «Воскресении Маяковского» сказано пристрастно, но верно: «Стихи Бродского, еще более, чем стихи Маяковского, лишены образного последствия,

речи, риторика сильнее мысли, и потому стихи Маяковского и Бродского так легко разлетаются на газетные заголовки, интеллигентские пароли, афористичные цитаты. Можно бы упомянуть еще и Слуцкого, в чьей стилистике и риторике можно изложить хоть прогноз погоды — и получится убедительно, увлекательно! Травма таким образом напоминает о себе, присутствует, заборматовывается — но не выговаривается, каковой прием прямо акцентирован у Бродского в стихотворении «Ария».

Случай Высоцкого противоположен: хотя душа в своих скитаниях опять кое-чему научилась и освоила, в частности, некоторые риторические навыки, Высоцкий не только не прячет травму, а только ее и демонстрирует. Он только назвать ее не может, поэтому воет и рычит по любому поводу и делает это великолепно — всем строем своей поэзии сигнализируя об отчаянном неблагополучии. Высоцкому достались есенинские блатные мотивы, истерия, любовь к знаменитой иностранке и комплексы по поводу ее заграничной славы; Бродскому — патологическая нервозность Маяковского, раннее тюремное заключение, широкое признание во второй половине жизни (Маяковский стал государственным поэтом СССР, Бродский — национальным поэтом США, что не спасало от ревности коллег), ну и роман возлюбленной с другом тут, хоть и в сильно изменившемся виде, никуда не денешься. «Мексиканский дивертисмент» Бродского напоминает мексиканский цикл Маяковского, в американских по-

Русская история циклична, она повторяется дословно, проходит одни и те же стадии (сегодня, кажется, это уже всем очевидно), и немудрено, что возникают в ней одни и те же типологические фигуры. В эпохи заморозков это единственный крупный литератор, осуществляющий связь между властью и культурой, транслирующий запросы туда-обратно и неизбежно гибнущий, если не хватает ума вовремя соскочить: архетип Пушкина.

и если у Маяковского это хоть и важный, но все же побочный результат конструктивности, то у Бродского — последовательный принцип. Силу Бродского постоянно ощущаешь при чтении, однако читательская наша душа, жаждущая сотворчества и очищения, стремится остаться один на один не с продиктованным, а со свободным словом, с тем образом, который это слово вызвало. И мы вновь и вновь перечитываем стих, пытаемся вызвать этот образ к жизни, и кажется, каждый раз вызываем, и все-таки каждый раз остаемся ни с чем. Нас обманывает исходно заданный уровень, который есть уровень разговора — но не уровень чувства и ощущения.

Есть нечто унижительное в этом чтении. Состояние — как после раута в высшем свете. То же стыдливо-лестное чувство приобщенности неизвестно к чему, то же нервное и физическое утомление, та же эмоциональная пустота. Трудно поверить, что после того, как так много, умно и красиво сказано, — так и не сказано ничего».

Этот упрек в бессодержательности высказывался и применительно к Маяковскому: Пастернаком, например. Факт речи важнее смысла

слания к друзьям отзывается «Бруклинский мост», и обоим присуща любовь-ревность к Некрасову, который, как и Бродский, прожил 56 лет. Если вспомнить одно из самых ярких и притом малоизвестных любовных стихотворений Бродского — «Подражая Некрасову, или Любовная песнь Иванова», — нельзя не увидеть там главной некрасовской эмоции: любви-ненависти, любви-брезгливости, с полным сознанием зависимости — и страшной подспудной злобой на эту зависимость.

Что до Высоцкого — он тоже все понимал, почему и написал незадолго до смерти стихотворение «Мой черный человек в костюме сером». Наивно думать, что этот черный человек — только бюрократ или цензор. «Мои друзья, известные поэты» тоже упоминаются у него в не слишком дружественном контексте. Черный человек — это двойник, проживший более успешную, более востребованную жизнь, наполненную сознанием своей уместности; и когда Высоцкий повторяет: «Мой путь один, всего один, ребята», — он убеждает прежде всего себя. Двойственность его положения — всенародная

слава при полузапрете, близость к власти при оппозиционности, особое положение при мучительном стыде — была очевидна и тем, кто искренне его любил; отношение же Бродского к нему тоже было весьма двойственным — чего стоит оскорбительно-скептический отзыв о спектакле «Гамлет», с которого Бродский по-снобски сбежал, увидев в этом «Гамлете» диссидентскую браваду и ничего, кажется, толком не поняв. Как Маяковский работал с Мейерхольдом (о чем Есенин всегда мечтал, но ограничился передачей ему своей второй жены и детей), — так и Бродский в конце концов написал для Любимова несколько хоров к «Медее» (чрезвычайно вольный перевод из Еврипида). И самое показательное здесь — те слова, которыми Бродский проводил Высоцкого, опять умершего раньше: «Дело в том, что он пользовался совершенно феноменальными составными рифмами, а гитара помогала ему скрадывать тот невероятный труд, который он затрачивал именно на лингвистическую сторону своих песен. В принципе, они поражают людей не столько благодаря содержанию и музыке, а благодаря бессознательному усвоению этой языковой фактуры. И в этом смысле потеря Высоцкого — потеря для русского языка совершенно невосполнимая». Это же — «У народа, у языкотворца умер звонкий забулдыга-подмастерье!» И оба говорят по касательной, не о главном: не в языкотворчестве и тем более не в составных рифмах была главная заслуга их двойников, но поэт, как было сказано уже многими, хвалит другого поэта, как

Трифонов свое «Нетерпение» ядовитым и сверхточным пассажем про семидесятые, не уточняя даже, какой век имеется в виду. Но когда читаешь стихи Бориса Савинкова и некоторые страницы его модернистской прозы, а потом вспоминаешь про другого харьковчанина — Эдуарда Савенко... и еще о том, что одного знали под псевдонимом Ропшин, а другого как Лимонова... и еще о том, что женщины вокруг Савинкова гибли, идя в террор, и это вызывало у него сложный комплекс эротических ощущений, как в «Коне бледном», а женщины Лимонова гибли, идя за ним — кто в литературу, кто в политику... и сам он понимал, что не создан для долгого брака, потому что отбрасывает всех — друзей, единомышленников, возлюбленных... нет, тут не случайность. Тут именно то, о чем я обещал — и не забыл! — сказать в начале: наглядность. Русская литература и политика обладают — особенно в наше время — наглядностью совершенно патологической, словно Господь так и стремится ткнуть Россию носом в эти ужасные повторения, хоть как-нибудь их уже прекратить, прорваться в небывалое... Нет, не видят. Не хотят. Им тычешь в нос министра-администратора С. и сталинского прокуратора В., их гипертрофированную лояльность, искупающую неортодоксальное прошлое, их риторические приемы, их принадлежность (наполовину) к угнетаемым Россией когда-то народам, их почетные отставки — нет, ну как же? С. ведь пишет стихи и прозу, а В. никогда... Есть люди, панически боящиеся любых закономерностей, они

Женщины вокруг Савинкова гибли, идя в террор, и это вызывало у него сложный комплекс эротических ощущений, как в «Коне бледном», а женщины Лимонова гибли, идя за ним — кто в литературу, кто в политику... и сам он понимал, что не создан для долгого брака, потому что отбрасывает всех — друзей, единомышленников, возлюбленных...

красавица — соперницу: не за то.

И таких удивительных пар и даже троек в русской литературе можно найти множество: поместите рядом известный портрет Жуковского (к которому Пушкин написал стихи), любой портрет молодого кудрявого Блока и фронттовую фотографию Окуджавы. Вспомните слова Самойлова о том, что Окуджава — не романтик, а сентименталист, и спойте на мотив «Простите пехоте» «Эолову арфу» Жуковского. Вспомните, что главная поэма Жуковского называется «Двенадцать спящих дев», а главная поэма Блока... Между Окуджавой и Блоком вообще столько тематических и формальных свойств, что я в свое время посвятил этим параллелям в жизнеописании Окуджавы целую главу — тогда вчитался в нее, кажется, один Владимир Новиков, а остальные кинулись хохотать, делая вид, что я сопоставляю масштабы. Речь же идет, напомним, о типологии, — но сама компаративистика, кажется, считается в России жженаукой вроде генетики, хотя этим ключом можно открыть многие двери. Я и сам иногда поражаюсь этой буквальности русских сходств — начал же Юрий

старательно прячутся за то, что Маршак называл «тяжелым, неудобопонятным буквализмом». «Мир снова томит меня своей пестрой пустотой» — как сказал двойник Тургенева, начавший, как он, со стихов и проведший большую часть жизни за границей, виртуозный стилист, хотя прежде всего моралист.

Что касается меня, тут тоже все понятно. Дмитрий, родившийся почти ровно через сто лет после другого Дмитрия. Тот тоже считал себя прежде всего поэтом, хотя современники предпочитали запихивать его в нишу лектора. Писал исторические трилогии, очень точно все понимал про текущий момент, оставил лучшие исследования по русской литературе «Вечные спутники» и несколько выдающихся публицистических выступлений, а в конце жизни совершил faux pas, взяв у Муссолини грант на биографию Данте. Все в нем, включая любовь к жене, мне сильно нравится, а вот этой ошибки, клянусь вам, товарищи, я не повторю. Да и не даст мне никто этого гранта, успокойтесь. А вот насчет смерти в изгнании я подумаю — точнее, подумает тот верховный Автор, который вообще все в данной стране решает за нас. **И**

Где все находится

текст: павел астахов рисунок: владимир карманов

Адвокат и писатель (да, так бывает) **Павел Астахов** анализирует подвластную ему действительность с точки зрения мистики. Но может, кстати, в подробно описываемом и нет мистики, а есть прежде всего вера, а может, даже одна только вера. Тут уж не понять, как именно все в точности происходит, но ведь находится все, что потеряно, находится.

Созовет друзей и соседей и скажет им:

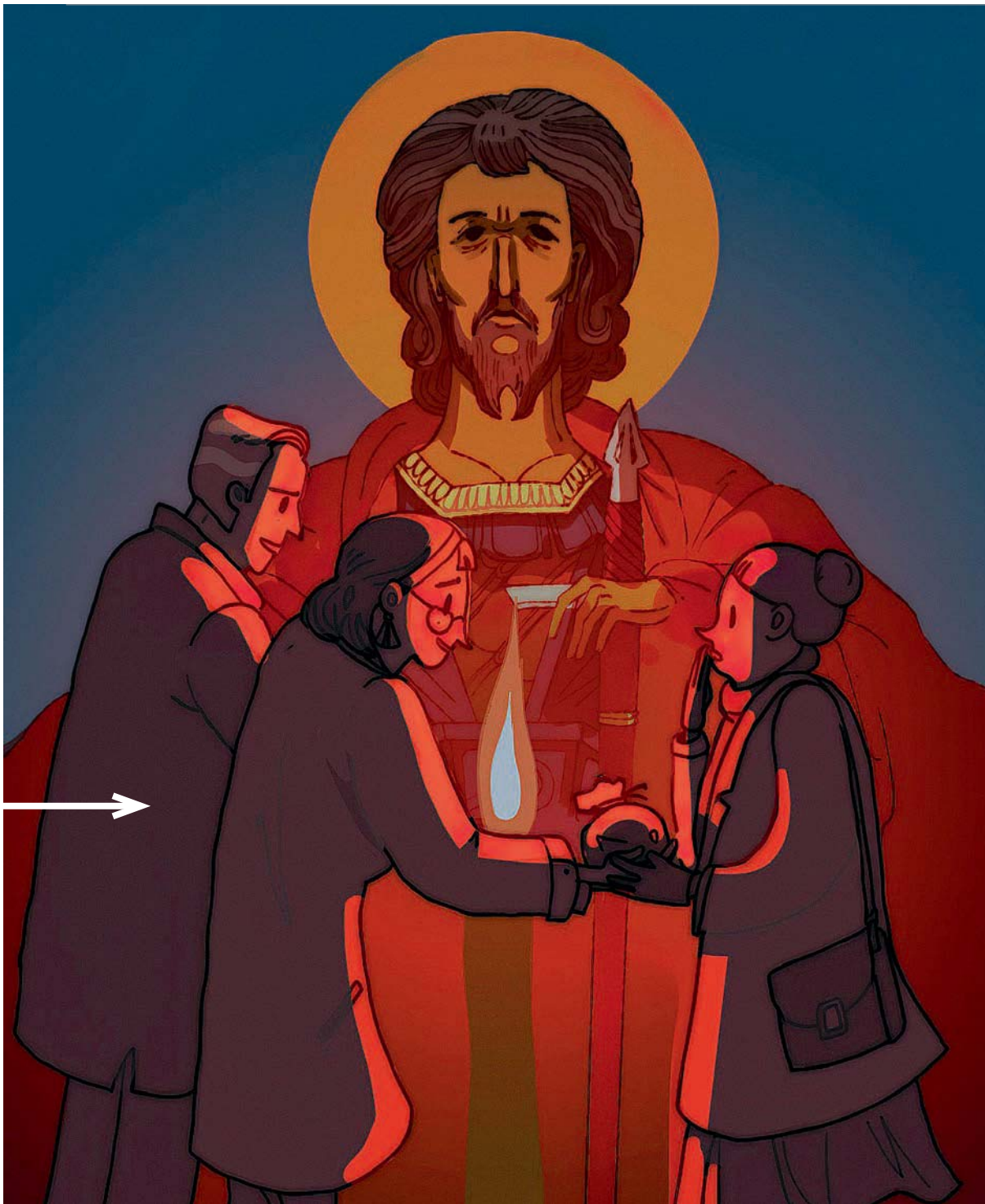
порадуйтесь со мною: я нашел мою пропавшую овцу.

Евангелие от Луки 15:6

Мы все регулярно что-то теряем и при этом часто сетуем на то, что кто-то без нашего ведома что-то очень нужное в данный момент куда-то запрятал (переложил, убрал, унес, взял), обвиняя этого неизвестного или известного (муж, дети, жена, теща, родители и другие домочадцы) в пропаже, дабы не признаваться в собственной рассеянности и забывчивости. С каждым из нас происходили и совсем уж необъяснимые пропажи и находки, которые иначе как мистическими и не назовешь. Я помню, как исчез у моего среднего сына, когда ему было всего четыре года, любимый плюшевый кролик и никто во всем мире не смог его отыскать... Так и считаем мы до сих пор, что кролик обиделся и просто сбежал от нас в другое измерение. У некоторых моих клиенток так исчезали мужа со всеми вещами и чемоданами. К тому же эти мистические исчезновения совпадали с закрытием всех счетов и их обнулением. По моему убеждению, человечество вообще больше теряет, чем находит, и все заняты поиском этой «черной дыры», где скапливаются все человеческие пропажи... Много ответов на самые сложные вопросы пропаж можно найти в фантастических лентах типа «Полтергейст», «Полтергейст-2», «Полтергейст-3» и т.п. Однако для себя в какой-то момент моей жизни я нашел самый верный способ получить ту самую необходимую сверхъестественную помощь в поисках пропавших вещей, потому что без нее точно не обойтись в ситуации их мистического исчезновения.

Каждый день по утрам я молюсь Иоанну Воину, помощнику в скорбях и житейских обстоятельствах. Еще к этому святому обращаются с просьбой об отыскании украденного или потерянного, и я уже не раз просил его о подобной помощи. По Божьей милости святой отвечал на молитвы, и теперь даже мой младший сын точно знает, что если что-то потерял (а теряет он постоянно), то надо помолиться Иоанну Воину и вещь найдется. В какой-то момент я стал записывать эти истории, чтобы самому их не забыть, а сейчас готов с удовольствием ими поделиться.

Однако сначала немного расскажу об этом святом человеке. Иоанн Воин жил в IV веке нашей эры и служил в войске римского императора Юлиана Отступника. Он был вынужден участвовать в гонениях на христиан, которые с подачи Юлиана велись повсеместно, но лишь притворялся, что исполняет приказ императора, а на самом деле помогал своим единоверцам, предупреждая их об облавах и способствуя побегам из тюрем. Впрочем, он был милосерден не только к христианам, но и ко всем бедствующим: посещал больных, утешал скорбящих. Узнав о тайной деятельности Иоанна, император приказал заключить его в темницу и впоследствии казнить, но в 363 году Юлиан погиб в сражении, и Иоанна Воина освободили из-под стражи. Известно, что святой дожил до глубокой старости, а через много лет после кончины и канонизации, когда люди искали его могилу для

поклонения, Иоанн явился одной благочестивой вдове и указал ей место своего погребения. После этого его мощи были перенесены в церковь апостола Иоанна Богослова в Константинополе и донныне считаются чудотворными. Однако на этом дело не закончилось. К той самой вдове однажды забрались воры, но едва начали осматриваться в доме, как увидели воина в древних доспехах. Испугавшись, они сразу же убежали. Спустя некоторое время их заела совесть, так что грабители вернулись к женщине с раскаянием. Когда им показали икону Иоанна Воина, они сказали, что это именно тот человек, который не позволил им совершить кражу. Так и родилась церковная традиция читать молитву Иоанну об обретении украденных или потерянных предметов.

Первый раз молебен Иоанну Воину я заказал в далеком 1999 году. Хотя началась вся эта история гораздо раньше. Когда мы со Светланой только-только поженились, то поселились в квартире у ее мамы. Моя теща, опасаясь воров, в какой-то момент собрала все свои золотые украшения (серьжки, колечки, цепочки) в мешочек и спрятала где-то дома. А потом, как водится, забыла, куда положила. Мне она об этом не рассказала, только моей жене по секрету. Думала, что у нее их украли, возможно, даже меня подозревала. Прошло двенадцать лет. Я купил квартиру, и теща решила переехать туда, оставив нас в своей. Мы согласились и затеяли масштабный ремонт. Как раз в тот период мы уже начали ходить в церковь, у нас даже появился духовник, отец Николай Дмитриев, служивший настоятелем в храме Ильи Пророка в Черкизове. Сейчас он уже отошел к Господу, но тогда очень помог нам в жизни, укрепил в трудные моменты, наставил в вере. До того как приехать в Москву, батюшка нес служение в Израиле, в Америке и в Японии. В Токио он подвизался в православном кафедральном соборе Воскресения Христова, который сами японцы называют Николай-до, то есть «храм Николай», так как построен он был в конце XIX века святителем Николаем, первым миссионером православия в Японии. Пока батюшка находился там, он писал интересные заметки о местной жизни и Японской православной церкви, публиковавшиеся в журнале «Фома». Помню, он рассказывал мне, как подружился со всеми чемпионами сумо, потому что ходил с ними в один и тот же магазин одежды. Обычные японцы по большей части невысокие и худые, а сумоисты — люди крупные, поэтому закупаются чуть ли не в единственном магазине в Токио, где есть подходящие им костюмы и прочее. Там же отоваривался и отец Николай, тоже мужчина немаленьких размеров; так они и познакомились. Кстати, мой старший сын, когда вырос, побывал в Японии и поклонился в храме Николай-до. Так вот, когда мы стали делать ремонт в квартире, подумали, вдруг

найдутся давным-давно затерянные украшения, но сколько ни смотрели, ничего не обнаружили. И тогда отец Николай посоветовал нам обратиться к Иоанну Воину, объяснил, что он помогает в поиске утраченных вещей. Мы так и сделали, более того, заказали молебен этому святому. А в тот момент у нас как раз дело дошло до старых книжных полоков. Я начал разбирать их, протянул руку, чтобы снять книжки, — и вдруг оттуда на меня свалился мешочек с этим золотом. Я пошел к теще, решил пошутить, говорю: «Знаешь, Люба, решил я тебе все-таки вернуть твои украшения. Бери!» — а сам уже просто хохочу. Она увидела, тоже рассмеялась и обрадовалась, конечно.

Следующий интересный случай произошел в 2006 году, когда мы с женой поехали в Санкт-Петербург на жемчужную свадьбу к крестной нашего сына Арсения. С собой взяли только легкий багаж — походную сумку на колесиках, в которой много всяких карманов. А Светлана, как и ее мама, обычно держит свои украшения в мешочке и, когда куда-то едет, кладет его либо себе в косметичку, либо в дамскую сумочку. Но тут мы собирались в спешке, не было времени сложить все аккуратно, и она говорит мне: «Слушай, возьми мою бижутерию, положи в общую кладь». Я киваю и кладу мешочек в боковой карман этой сумки. Причем запомнил, что положил именно туда. И мы уезжаем.

Приехали в Петербург, разместились в гостинице и, поскольку до вечера еще было время, сходили в Русский музей и в Казанский собор. А вечером начали собираться на праздник, который друзья устраивали в Михайловском театре. Я надеваю вечерний костюм, Светлана — платье. Жена просит: «Дай мне, пожалуйста, мои украшения». А я уже вытащил все вещи из сумки (ну, как обычно, приезжаешь, разбираешь все, вешаешь на вешалки в шкаф) — она стоит пустая. Я беру ее, начинаю рыться внутри — ничего. Пересматриваю все кармашки еще раз — опять ничего. Перетряхиваю всю — никаких украшений.

Спрашиваю Светлану:

— Слушай, а ты забрала, что ли, мешочек свой?

Она смотрит удивленно:

— Нет, не брала.

— Хм... Как же так? Я эту сумку из рук не выпускал, и в номер вроде никто не входил. Но вдруг я не туда положил? Поищу по карманам одежды.

Посмотрел в своем костюме, в куртке — пусто.

— Да ты же вроде этот мешочек в сумку убирал, — говорит жена.

— Но там его нет!

Опять открываю все застёжки, показываю: видишь, мол. Затем переворачиваю сумку и буквально вытрясаю все. Оттуда выпадают какие-то монетки завалившиеся, пластинка жевательной резинки, чья-то визитка. Но больше ничего, абсолютно пустая сумка.

В это время звонит наша кума:

— Ну где вы там, когда придете?

Светлана жалуется:

— Прости, что-то никак не могу найти свои украшения, исчезли.

— Ой, — всплескивает руками та, — давай полицию вызывать!

— Да ну, какая полиция, — отмахивается Светлана, — никто же их не

крал. Исчезли, и все. Может, по дороге где-то выпали, может, вообще мы забыли их взять.

Я подумал, что вполне могли забыть, да. У нас дома хранятся две совершенно одинаковые дорожные сумки, просто близнецы, и одну я взял с собой, а вторая там осталась. Возможно, по ошибке я записнул мешочек в другую. Позвонил домой, попросил тещу посмотреть; она поискала, но так ничего и не нашла.

Короче, мы уже совсем не знали, что делать. И тут я предложил жене: «Давай помолимся». Окна у нас выходили как раз на Казанский собор, так что мы встали на колени, повернувшись к нему лицом, и прочитали молитву Иоанну Воину.

Со страхом, с замиранием сердца я снова взял в руки сумку. Я же нормальный человек, понимаю, что чуда не может быть — я до этого все вывернул, вытряхнул. Неужели сейчас — хоп, и украшения появятся ниоткуда? Это же не фокусы какие-нибудь. И все же начинаю опять рыться в несчастной сумке, заново открывать все застёжки. А внутри там есть большой карман, он разделяется на пару отделений, и имеется еще маленький кармашек — я уже несколько раз расстегивал молнии, копался в этих карманах, тряс, но что делать. Открываю, по очереди залезаю в каждый карман: один, другой — и... достаю мешочек.

Дальше происходит абсолютно немая сцена. Мы открываем этот мешочек — все украшения на месте. Молча собираемся, молча одеваемся, молча доходим до Михайловского театра. Там нас встречает наша кума. Мы ее поздравляем, и она тут же кидается спрашивать: — Ну что, нашли свои украшения?

Светлана качает головой в восхищении:

— Да. Но ты не представляешь как! Мы не сами их нашли, кто-то сделал это за нас. Прочитали молитву — и все появилось там, где ничего не было.

Этот случай очень нам запомнился. Помнит его и наша кума, так что, если вдруг заходит разговор о пропавших вещах, она всегда говорит: «А я не забыла, как вы молились Иоанну Воину, и все нашлось».

Через два года после происшествия в Питере мы с женой полетели во Францию. У меня тогда в Париже выходила книжка, перевод романа «Мэр», и мы отправились к нашему издателю, чтобы обсудить детали. Мне было приятно, что «Кальманн Леви», крупное французское издательство с вековыми традициями, само вышло на меня. Причем им удалось это сделать через русскую женщину, переводчицу, которая была замужем за французом и давно жила в Париже. Она нашла меня, сказала, что издательство хочет взять интервью, опубликовать книжку и даже организовать пиар-поддержку. Вот мы и полетели. Сходили на встречу, дали интервью — все как положено. Потом взяли такси, чтобы вернуться в нашу гостиницу. Подъезжаем, выходим из машины, заходим в вестибюль, раз — а телефона нет. Что делать? Все обыскали — не нашли. Ну, думаем, что ж, если в такси забыли — значит, с концанами. Парижское такси весьма своеобразно: некоторые водители запросто могут нагругить, нахамить и даже выкинуть из машины. У моего товарища была подобная история, когда таксист внезапно расхотел ехать, выпихнул его и скрылся в неизвестном направлении.

Я позвонил на потерянный телефон в надежде, что кто-нибудь возьмет трубку, но оказалось глухо. Затем отправил несколько эсмэсок на французском и английском языках, мол, «верните за вознаграждение» — и снова тишина. Тогда мы решили помолиться... С нами в поездке был средний сын Артем, после молитвы он снова набрал номер. И тут ему ответил тот самый таксист!

— Я уже дома, но ваш мобильник с собой захватил. Завтра утром привезу его.

— Мы вам заплатим, — попытался сказать Артем.

— Только двадцать евро за дорогу.

И действительно, утром он вернул нам телефон, взял эти двадцать евро за бензин и пожелал нам больше не терять вещи. Удивительный факт, потому что мы не вправе были ожидать такого, особенно от парижского таксиста.

Расскажу еще о нескольких недавних случаях. Во-первых, как-то раз мы снова потеряли мобильник. Произошло это в 2019 году, когда в день рождения Светланы мы отправились в Калининград. У нас есть сложившаяся традиция отмечать ее праздник в Калининграде с друзьями. Приехав туда как раз накануне дня рождения, мы

пошли кататься на маленьком катере по местным каналам. Экскурсия прошла хорошо, хотя в тот день было прохладно, дул сильный ветер, и мы озябли даже в куртках. У меня есть привычка при выходе из машины или из любого другого транспорта обязательно посмотреть вокруг, заглянуть в кармашки автомобиля (или самолета), чтобы удостовериться, что никакие наши вещи никуда не завалились. Вот и тут на выходе я везде посмотрел — вроде все нормально.

Мы вернулись в гостиницу, подготовились к приему гостей — ждали их на ночную вечеринку. В полночь Светлана сказала, что, наверное, скоро пойдут звонки, потому что в это время ее телефон уже начинает разрываться от поздравлений. Однако никто не звонил, и это было странно.

Чуть позже приехали наши друзья. Сообщают:

— Света, мы тебе обзвонились, хотели поздравить, но ты не отвечаешь!

Тут она ойкнула, начала искать смартфон, а его и нет.

Позвонили по ее номеру — там лишь длинные гудки. Где мы его забыли? Я говорю жене: «Ну что, давай молиться Иоанну Воину». Помолились. И тут раздается звонок на мой телефон от одного нашего товарища, который живет в Калининграде и с которым мы всегда встречаемся, когда туда приезжаем.

— Слушай, Паш, — говорит он, — мне сейчас позвонил капитан того кораблика, на котором вы катались, он только что нашел Светланин телефон. Тот трезвонит и трезвонит, просто бесконечно.

— Это неудивительно, — засмеялся я. — У нее же день рождения. Оказывается, ее мобильник завалился куда-то глубоко за сиденье,

так что его даже не было видно. На следующий день мы встретились с капитаном, и он отдал нам пропажу.

В ноябре того же года я ездил в Самару. А после этого у меня были запланированы выступления в разных городах, так что, едва вернувшись из Самары и бросив дома большой чемодан, я тут же — уже с легкой дорожной сумкой — отправился в Уфу, а через несколько дней — в Лондонскую школу экономики.

Возвратившись из всех поездок, я решил, что надо бы уже открыть наконец-то чемодан, вещи вынуть, в стирку бросить. Сунулся — а ключа от чемоданного замочка нет. Все обыскал, все перевернул! Одежду свою наизнанку вывернул. Ну все, думаю, потерял ключ. Но где: в Уфе или в Лондоне? Если в Великобритании — это вообще ужас. Стою растерянный, не знаю, что делать.

Ну и как обычно — рецепт у меня один. Опустился на колени, помолил-

*Ну и как обычно — рецепт у меня один.
Опустился на колени, помолился Иоанну
Воину, акафист прочитал. И полез снова
в сумку, которую, разумеется, уже три раза
осматривал. Залезаю — а в кармашке в маленьком
целлофановом пакетике лежит искомый ключ.*

ся Иоанну Воину, акафист прочитал. И полез снова в сумку, которую, разумеется, уже три раза осматривал. Залезаю — а в кармашке в маленьком целлофановом пакетике лежит искомый ключ. Собственно, там оказалось даже два ключа, причем один из них — погнутый. Вот уж не понял, как это трактовать: как предупреждение, что ли? Мол, сделай милость, не злоупотребляй молитвой-то. Но чемодан я таки открыл.

А в 2020 году случилась история с паспортом. У нас в семье произошло печальное событие: от ковида умер Светланин отец. Мы этого не ожидали, потому что он был хоть и пожилым, но крепким мужчиной, даже в больницу пришел на своих ногах. Однако через неделю его состояние резко ухудшилось, он попал в реанимацию, и, увы, спасти его не смогли. Нам пришлось оформлять все необходимые документы, и для этого понадобилось срочно найти Светланин паспорт, но тот куда-то исчез.

Представьте: у нас и так состояние нервное, грустное, тут сваливается эта беготня с документами, и до кучи еще и паспорт пропадает. Обычно все наши паспорта лежат у меня в тумбочке, в шкатулке, но в тот раз его там не оказалось. А нам срочно в больницу ехать, уже выходить пора. Где же он? Носимся, ищем — нет его. «Стоп, — говорю я Светлане. — Бесполезно так бегать, давай помолимся». Остановились, выдохнули, помолились.

Я опять ящик тумбочки выдвигаю, и прямо сверху на шкатулке лежит паспорт. Как он там появился? Не было же. Завалился, может быть, куда-то, потом вылез... Но то, что нашли мы его только после молитвы, — это факт.